

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

Научная статья

Метафоры в праве: методологические основания исследования

И.А. Ярошук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Российская Федерация
 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Язык права и язык нормативно-правовых документов, обладающий специфическими чертами, рассматривается как репрезентант научных знаний, призванный объективно отражать реальный мир, выступая в качестве самостоятельной регулирующей силы. Слово как основная структурно-семантическая единица, выполняющая ключевую роль в организации текста нормативного правового акта, реализуется не только в своем прямом номинативном значении, но и в качестве лексического средства вторичного знакообозначения — метафоры. Отмечается, что отношение к метафоре и к возможностям ее употребления в нормативных правовых актах неоднозначны. Для освещения и решения указанной проблемы анализируется история изучения данного языкового феномена, прослеживается изменение научных взглядов на метафору с точки зрения ее функциональной неоднозначности. В итоге определяется природа метафоры и ее статус в процессе научного познания, систематизируются критерии и условия допустимости метафоры в языке права. Делается вывод о ведущей роли метафорического механизма в моделировании правового пространства нормативных актов.

Ключевые слова: язык права, язык науки, юридическая техника, нормативно-правовой акт, аналогия, метафора, гносеологическая функция метафоры, прагматическая функция метафоры, метафорическое моделирование, научное познание

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 27 апреля 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2022 г.

Для цитирования:

Ярошук И.А. Метафоры в праве: методологические основания исследования // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 3. С. 596—610. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

© Ярошук И.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Metaphors in law: methodological foundations for research

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»), *Belgorod, Russian Federation*
 yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. Language of law and language of normative legal documents with their specific features represent scientific knowledge, designed to objectively reflect the real world; they act as an independent regulating force. The word as the main structural and semantic unit, which plays a key role in organizing the text of a normative legal act, is realized not only in its direct nominative meaning, but also as a lexical means of secondary designation — metaphor. It is noted that the attitude to meta-phor and to its use in normative legal acts is ambiguous. In order to highlight and address the challenge, we analyze the history of the study of this linguistic phe-nomenon, and trace the shifts in scientific views on metaphor from the perspective of its functional ambiguity. As a result, the nature of metaphor and its status in the process of scientific cognition is determined, the criteria and conditions of admis-sibility of metaphor in the language of law are systematized. The research confirms the leading role of metaphorical mechanism in modeling the legal space of norma-tive act.

Key words: language of law, language of science, legal technique, legal act, analogy, metaphor, epistemological function of metaphor, pragmatic function of metaphor, metaphorical modeling, scientific knowledge

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 27th April 2022

Article accepted 15th July 2022

For citation:

Yaroshchuk, I.A. (2022) Metaphors in law: methodological foundations for research. *RUDN Journal of Law*. 26 (3), 596—610. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-3-596-610>

Введение

Юридический текст представляет собой целостное коммуникативное образование, компоненты которого выстроены в единую иерархически организованную систему, обладающую содержательной, лексической, грамматической и логической спецификой, обусловленной общими требованиями вербального выражения понятий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования, а также в процессе реализации норм права. Специфичность языка текстов правовых актов заключается в эксплицитном, однозначном, сжатом, определенном изложении воли законодателя посредством использования лексических средств в соответствии с нормами современного русского языка. Одним из основных принципов функционирования языка законодательных актов является его свободное формирование и развитие в строгом соответствии форм и

содержания норм права, точного выбора терминологических понятий, регламентированных строгим нормированным использованием языковых единиц (Kryukova, 2003:9).

Язык юридической науки отличается своеобразием. Исследованием правового языка как языка текстов нормативно-правовых актов и приемов законодательной техники занимались А.Ф. Черданцев, Г.Т. Чернобель, В.М. Корельский, Р.О. Халфина, Н.А. Власенко, Т.В. Губаева и др. Так, согласно Н.А. Власенко, понятия «правовой язык» и «язык права» не являются тождественными, между ними выстраиваются родовидовые отношения (Vlasenko, 2022:13). Вслед за ученым под термином «правовой язык» мы понимаем всю языковую систему в целом, свойственную юриспруденции (язык нормативно-правовых актов, индивидуальных актов, доктринальный юридический язык и т.д.). Понятие языка права имеет более узкую сферу применения, а именно — это лексическая система нормативно-правовых актов и законов, в связи с чем могут использоваться и более конкретизирующие понятия языка закона или языка законодательства (Vlasenko, 2022:14—15). Соответственно, правовой язык является источником лексического «подпитывания» языка права, языка законов и других нормативно-правовых актов. Именно нормативно-правовые документы представляют собой главные лингвистические репрезентанты права как регулирующего социальные отношения.

Как известно, нормативно-правовой текст (текст права) обладает следующими специфическими чертами: отсутствие экспрессивности, связность и последовательность, точность и ясность, простота изложения, лаконичность и компактность (Vlasenko, 2022:19—23). Действительно, воля нормодателя должна выражаться посредством грамотного и уместного использования лексических единиц языка, поскольку язык права как репрезентант научных знаний призван объективно отражать реальный мир, выступая при этом в качестве самостоятельной регулирующей силы. Языковые средства должны полностью соответствовать организационным особенностям нормативных актов, так как уровень выражения воли нормоустановителя имеет непосредственную связь с адекватной структурной и лексической организацией синтаксических конструкций. Это имеет отношение, прежде всего, к грамматической форме употребляемых высказываний, исключая побудительные и вопросительные предложения, нагромождение однородными и обособленными членами, придаточными частями сложноподчиненных предложений.

Если относительно грамматической оформленности синтаксических конструкций, используемых в языке права, как таковых разногласий среди исследователей не возникает, то вопрос о лексических средствах и требованиях к их использованию в нормативных документах не имеет однозначного решения. И это связано с тем, что преобладающее число слов в русском языке — полисеманты, способны реализовываться в различном своем лексико-семантическом варианте, когда актуализация одного из них находится в прямой зависимости от контекстных условий. Одним из продуктивных способов развития полисемии является метафора, в отношении которой вопрос о возможности употребления в языке права стоит особо остро.

Поэтому главной целью настоящего исследования является определение метафоры как средства юридической техники, что предполагает ее рассмотрение, прежде всего, как языкового феномена, обращение к истории научных взглядов и современному пониманию метафоры и ее природы, ее роли в моделировании языка науки и языка права, в частности, систематизацию ее основных функций, критериев и условий допустимости употребления метафоры в нормативных правовых актах.

Метафора и текст права: постановка проблемы

Именно слово как основная структурно-семантическая единица выполняет ключевую функцию в организации текста нормативного правового акта, в котором единицы лексического кода языка, вступая в синтагматические отношения, реализуются не только в своем прямом номинативном значении, но и раскрывают потенциал не прямой номинации. Понятийное содержание знаков вторичного обозначения в правовых текстах самодостаточно для его адекватного соотнесения с объектом правового регулирования. В основе вторичного семиозиса оказывается процесс переноса структуры одних мыслительных образов на другие с переосмыслением «одних сущностей в рамках концептуальных структур других» (Lakoff, 1993:23).

В современных философских концепциях особое внимание в научном познании отводится риторике, в частности, метафорическому постижению действительности, что находит свое непосредственное выражение в языковой материи науки. В этом отношении язык права не является исключением.

Однако отношение к метафоре и к возможностям ее использования в тексте нормативных правовых актов неоднозначны. Так, например, в п. 20 раздела IV Основные требования к подготовке текста законопроекта Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 января 2001 года № 3/5, указано, что в тексте закона «использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается»¹.

Действительно, метафорические механизмы, характерные для языка права очень часто не принимаются во внимание, и более того, отрицаются, с чем, как отмечает Н.А. Власенко, «вряд ли можно согласиться» (Vlasenko, 2022:51). Языку права не чужды косвенные номинации, средством репрезентации которых являются многозначные слова. Но для реализации данной функции полисемант должен находиться в строгих контекстуальных рамках, обеспечивающих адекватное восприятие и понимание необходимого смысла.

---

¹ Приказ Минюста РФ № 3, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 «Об утверждении Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. № 2, 2001 год.

Для освещения и решения проблемы использования метафоры в языке права необходимо обратиться к истории изучения данного языкового феномена в русле различных научных направлений, поскольку метафора пронизывает все сферы человеческой деятельности.

Метафора как языковой феномен

Вторичная номинация провоцирует трансформацию знания, репрезентируемого конкретными когнитивными структурами, в результате чего осуществляется замена не только их «внешней оболочки», но и знакового представления, когда производится перенос структуры одних мыслительных образов на другие.

Одной из самых распространенных моделей вторичного семиозиса является *метафорическая модель*. При метафоризации устоявшаяся категориальная призма, через которую происходит восприятие мира, перекрывается новыми ассоциативными отношениями, меняющими традиционную интерпретацию известного фрагмента действительности (Alefirenko, 2002:51). В сущности, сам объект или явление остается прежним, но воспринимается и интерпретируется через новый образ.

Процесс метафоризации приводит к многоуровневому обозначению с целым спектром смысловых компонентов. То есть это не простое суммирование отношений именований, а амальгация первичной формы номинации и вторичного отражения действительности. Отражаемые вновь явления фокусируются через уже известные признаки и свойства языковых знаков прямой номинации. Процесс метафоризации опосредуется, во-первых, признаками понятийного содержания лексической единицы, подвергающейся переосмыслению, и, во-вторых, когнитивной структурой объекта вторичного семиозиса. Вслед за М. Блэком, справедливо критикующим сравнительный подход к исследованию данного феномена, в рамках которого метафора рассматривается как скрытое сравнение, отметим, что метафоризация — это особый процесс, имеющий в своей основе два субъекта, «к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом» (Black, 1962). Метафора в процессе вторичного семиозиса выполняет функцию семантического фильтра, систематизируя ключевые для основного субъекта признаки, она нейтрализует остальные.

История научных взглядов на метафору с позиции ее функциональной неоднозначности

Каковы же природа метафоры и ее статус в процессе научного познания? Каковы условия допустимости употребления метафорических выражений в языке науки в целом и в языке права в частности? Для ответа на данные вопросы обратимся к истории изучения данного феномена и проследим, как изменялись научные взгляды на метафору с точки зрения ее функциональной неоднозначности.

Еще со времен античности метафора рассматривалась не только как изобразительно-выразительное средство, но и как сложный, многогранный феномен

познания действительности. Метафора была объектом научных исследований таких мыслителей, как Аристотель, Руссо, Гегель, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет. Эвристический ресурс метафоры привлекал внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардса, М. Бирдсли, М. Блэка, М. Эриксона и многих других ученых.

Аристотель рассматривал метафору в качестве языковой структуры, выполняющей *экспрессивную, эстетическую функцию* в языке. Но в то же время философ отмечал возможность ее использования не только как украшения языка и речи, но и как языкового средства для кодирования значений и смыслов (Aristotle, 1983:670). Мыслитель отмечал, что «достоинство речи — быть ясной и не быть низкой. Самая ясная речь — та, которая состоит из общеупотребительных слов, но она низка... речь торжественная и уклоняющаяся от обыденной — та, которая пользуется и необычными словами; а необычными я называю редкие, переносные, удлинённые и все прочие, кроме общеупотребительных» (Aristotle, 1983:670). Определение античным философом метафоры как единственно возможного средства для кодирования смысловых значений оказывается популярным и в современной науке для изучения прагматического потенциала вторичного семиозиса.

Интересна позиция римского государственного деятеля, юриста, ученого Марка Туллия Цицерона относительно рассматриваемого феномена, который указывал на то, что «метафора была изобретением, в котором не было необходимости, возникшее под давлением бедности и скудности словаря... <...> Как одежда, вначале изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и как средство украшения и как знак отличия, так и переносные выражения, появившись из-за недостатка слов, распространились уже ради услаждения» (Сисего, 1994).

Средневековая философия актуализировала исследование метафоры с позиций *гносеологической значимости*, отмечая ее познавательный потенциал как средства постижения сверхчувственного мира (Ermolenko, 2001), метафора осознавалась как средство познавательной деятельности.

Однако последующая дифференциация науки, искусства, рациональной гносеологии привела к сужению сферы применения метафоры, ограничению ее понятийного объема и полному изолированию из науки. Метафора рассматривалась как изобразительно-выразительное средство, что априори исключало ее гносеологическую и номинативную функции. И эпоха Нового времени, ознаменовавшая размежевание науки и искусства, заложила основы формирования методологии научного познания мира и активного развития, прежде всего, естественных и точных наук (физика, механика, астрономия и др.). Это вызвало необходимость в создании языка, в полной мере отвечающего требованиям точности и однозначности, в целях описания результатов научных исследований и открытий. Например, для физики таким языком становится язык математических символов, язык логики с его четкими словесными формулами оказывается приемлемым для наук гуманитарного цикла. Силами рационализма наука избавлялась от всех языковых средств, способных повлечь неоднозначность, двусмысленность, возможность интерпретации, что имело прямое отношение к метафоре. В частности, главной целью являлось создание формализованного языка, так как, по

мнению большинства ученых (Н. Ньютона, Г. Лейбница, Дж. Локка, Т. Гооббса и др.), естественный язык с их метафоричностью несовершенны и не годятся для научного описания. В частности, Дж. Локку принадлежат следующие рассуждения: «Если мы говорим о вещах, как они есть, мы должны признать, что всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое искусственное и обратное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные истины, возбуждать страсти, вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман. Поэтому, как бы ни было похвально ораторское искусство в речах и обращениях к народу, его, несомненно, нужно совершенно избегать во всех рассуждениях, имеющих в виду научать или просвещать, и следует рассматривать как недостаток использование его там, где речь идет об истине и познании» (Locke, 1985:566).

Но, несмотря на критическую теорию в отношении метафоры, реализовать ее на практике было невозможно, поскольку уже при ее языковом оформлении философам не удавалось избегать метафорических выражений (Mishankina, 2010:102). Исключением в ряду последователей отрицания метафоры была научная позиция Дж. Вико, который в своем научном труде «Основания Новой науки об общей природе наций» высказал важную мысль относительно того, что сфера функционирования метафоры не ограничивается художественной речью, это активный познавательный механизм, присущий лексике естественного языка, и «вообще метафора составляет наибольшую часть слов в языках всех наций» (Vico, 1994:146).

Таким образом, ярко выраженная дихотомия научной и художественной областей знаний в рассматриваемый период повлекла разделение и обслуживающего их языкового инструментария, когда метафора с ее экспрессивной функцией (согласно мнению большинства ученых), являясь неотъемлемым атрибутом художественного дискурса, отвергалась наукой.

Эпоха философии Романтизма в сущности не изменила положение дел в отношении метафоры, и ей по-прежнему отводилась роль художественного тропа и стилистической фигуры, несмотря на то, что в толковании метафоры наблюдались средневековые отголоски ее интерпретации как культурно обусловленного средства постижения бытия Абсолюта, что определяло активное использование метафоры в философской науке.

К концу XIX столетия метафора вновь переосмысливается философами-иррационалистами с позиций ее моделирующего потенциала, которые продолжали развивать рассуждения ученых эпохи романтизма, но в то же время подвергали критике возможность объективного познания действительности. В частности, в трудах Ф. Ницше последовательно излагается мысль о метафорическом способе познания мира (Nietzsche, 2013). Философ саму природу человеческого мышления определяет как метафорическую, указывая на то, что процесс познания реализуется в системе метафор, поэтому определение истины невозможно без языка метафор, так как и сама истина метафорична. В таком случае рациональное мышление лишается смысла на фоне явного превосходства метафорического

познания. В итоге метафорическая природа рациональности в рамках иррационализма не рассматривается, следовательно, вне фокуса научного исследования оказывается и гносеологическая сущность метафоры.

Современное понимание метафоры и ее роль в моделировании научной картины мира

XX столетие ознаменовано бурным развитием изучения метафоры в самых различных областях знаний. Представляется возможным проследить эволюцию данных исследований и сформулировать современное понимание роли и функции метафоры в моделировании научной картины мира и, в частности, в языке правовой науки.

На развитие семантики и формирование современного представления о метафоре значительное влияние оказали логические концепции. Структуральное описание языка, основы которого заложены в трудах Б. Рассела, определило новый научный вектор в исследовании метафоры как когнитивного феномена в рамках логико-семантического подхода. Тем самым произошло расширение границ изучения метафоры и выход за пределы стилистики. Исследовательское внимание концентрируется на логике метафоры, на признаках, проецирующих возможность употребления одного языкового знака вместо другого. Единение двух понятий в одной языковой форме открывает новые возможности семиотики, что ставит под сомнение строгие законы референтной теории истины.

С точки зрения логического подхода процесс метафоризации рассматривали такие ученые, как А. Ричардс, М. Блэк, А. Вежбицкая. В.А. Масловой принадлежит очень точное определение метафоры как универсального языкового явления, находящего свое проявление в пространственно-временном измерении, в структуре языка и в процессе его функционирования. Более того, исследователь называет язык «кладбищем метафор» (Maslova, 2001:87). Согласно А. Ричардсу, «метафора из украшения становится вездесущим принципом языка и мышления» (Richards, 1936), и самые высокие уровни научного абстрагирования не представляются без процесса метафоризации.

Из вышесказанного наиболее значимыми для настоящего исследования оказываются следующие положения логико-семантического направления:

— механизм метафоризации универсален, свойственен языку в целом, независимо от его дискурсивной дифференциации;

— существенным отличием метафоры является ее интегративный характер, когда лежащие в основе механизма метафоризации аналогии и сравнения преодолеваются, структурируется новая семиотическая модель, синтезирующая свойства основного и вспомогательного объектов (Fausonnier, 1998);

— когнитивная метафора как способ познания действительности кодирует, а затем активизирует социально значимые смыслы, информацию как языкового, так и экстралингвистического характера посредством своей коммуникативной направленности на создание общей для адресанта и реципиентов ассоциативной системы.

Еще одним значимым философским направлением, способствующим формированию современной теории метафоры, является аналитическое направление, в рамках которого в целях описания метафорических механизмов избирается когерентная теория истины. В свете данной теории метафора рассматривается как согласующаяся с системой других высказываний текста, принимаемых как истинные, когда логика механизма метафоризации базируется на внутренней непротиворечивости метафорической системы. Данное положение оказывается особо значимым для рассмотрения проблемы метафорического моделирования научного текста.

Сам процесс метафорического моделирования научного текста является специфическим. Если обратиться к истокам понятия «модель / моделирование», то их можно обнаружить в области точных и естественных наук, в рамках которых понятие модели имеет гносеологический статус и используется для обозначения одного из способов существования знания, посредством которого производится исследование, прогнозирование объектов, явлений, отношений. Модели как виртуальные реальности проецируют представления о реально существующих объектах, что стимулировало развитие новых взглядов и на другие области знаний, для которых модельная природа не является чуждой.

В XX веке свое широкое распространение получают концепции, рассматривающие язык в качестве посредника между реальным миром и человеком. В связи с этим происходит актуализация одной из функций языка — моделирующей, как системы, определяющей восприятие, хранение и передачу информации. Существующие в языке модели напрямую соотносятся с двумя основными операциями познавательного мышления — анализом и синтезом. К наиболее компактной языковой модели синтезирующего типа и относится метафорическая модель, позволяющая интегрировать образы одних объектов посредством перенесения представления о них на другие объекты. Метафора, в основе которой оказываются модели идентифицирующие — схемы-образы, познавательные сценарии, занимает ведущие позиции в системе кодирования и обработки информации сознанием, что определяет роль метафорических моделей в структурировании научной картины мира.

Формирование в рамках лингвистической науки семасиологического направления, фокусирующего исследование на проблемах полисемии, способствовало развитию нового взгляда на метафору как на один из ведущих механизмов создания новых значений в языковой системе в целом, что явило следующий этап актуализации гносеологической функции метафоры. Особо значимыми в этом отношении стали труды Н.Д. Арутюновой, Ш. Балли, Д.Н. Шмелева, А.П. Чудинова и др. Ю.Д. Апресяну удалось описать механизмы регулярной многозначности и вывести ее основные модели, которые могут выступать в качестве базовых при образовании метафоры (Апресян, 1995). Анализ основных положений семасиологического направления в исследовании метафоры позволяет заключить следующее:

— универсальность метафоризации для формирования и развития языковых значений в целом, подтверждением чего является возникновение такого понятия, как «языковая метафора»;

— исследования номинативных метафор позволило рассматривать как одну из ее ведущих функций — гносеологическую, которая ранее оставалась в тени экспрессивной функции в силу того, что языковая метафора, фиксирующая стандартные ассоциативные связи, не привлекала внимание из-за своей «привычности», «образной стертости»;

— языковые метафоры проецируют исходные модели представления об окружающей действительности (природа, общество, общественные отношения, человек и т.д.), основные направления ее постижения, то есть конструируют гносеологические механизмы познания мира в целом, в том числе и научного познания. Следовательно, гносеологическая функция метафоры оказывается одной из ведущих функций. Проведенные в рамках анализируемого направления исследования еще раз подтверждают доминирование метафорического мышления в процессе познания мира, так как в системе языка констатируется бесспорное преобладание полисемантических единиц над однозначными словами, а модели языковой многозначности являются ведущими при образовании метафоры.

Однако несмотря на интерес со стороны научного сообщества к метафоре, изучению ее гносеологической функции уделялось недостаточно исследовательского внимания. И к решению вопроса о гносеологическом потенциале метафоры, ее роли в языке науки исследователи обратились недавно. И в этом отношении особо значимыми являются научные изыскания Х. Ортеги-и-Гассета, который в своем труде «Две великие метафоры» пишет, что «метафора — необходимое орудие мышления, *форма научной мысли*» (Ortega-y-Gasset, 1990:68). Исследователь указывает, что наука преобразовывает употребление метафоры за счет обратного, в отличие от поэзии, движения мысли, «она начинает с полного отождествления двух объектов, заведомо различных, чтобы прийти к утверждению их частичного тождества, которое и будет признано истинным» (Ortega-y-Gasset, 1990:74). Метафора фиксирует признаки отвлеченных понятий, вследствие чего выступает в качестве ведущего механизма в процессе моделирования объекта научного познания, именно язык науки активизирует гносеологический потенциал метафоры.

Проблеме использования метафоры в языке науки посвящены труды Д. Дэвидсона, А. Ричардса, М. Блэка, Ф. Уилрайта. Вслед за В.В. Петровым отметим, что метафора является неотъемлемой составляющей науки, обладающей специфическими особенностями, которые отличают ее от метафоры в художественном тексте. Экспрессивная, художественная метафора, как отмечает исследователь, интегрирует признаки двух объектов действительности (основного и вспомогательного) в отличие от метафоры научной, которая видится в качестве гипотезы относительно свойств и устройства отвлеченного, абстрактного объекта, то есть метафора в науке имеет гипотетическую природу (Petrov, 1985:196—220), которая и проецирует метафору в научном тексте в качестве средства, облегчающего и упрощающего решение познавательных задач.

Метафора как средство юридической техники

Согласно справедливому замечанию М.В. Баранова и Н.А. Власенко, многие «проблемы взаимодействия метафоры в гуманитарном и естественно-техническом знаниях, намеченные в философской науке, остаются до сих пор

неразрешенными» (Baranov & Vlasenko, 2019:13), что в полной мере имеет отношение к юридической науке, в которой метафоре посвящены лишь фрагментарные исследования.

В качестве средства юридической техники рассматривается метафора в языке права А.Ф. Черданцевым (Cherdantsev, 2012:288—291), когда экспрессивная функция метафоры нейтрализуется и данный языковой феномен приобретает статус терминов и стереотипных выражений, активизируя свою гносеологическую функцию.

Метафоры очень прочно встроены в понятийную систему языка права, и в виду своего многократного употребления многие из них не воспринимаются как образные выражения, это так называемые «стертые» метафоры. Так, например, в процессе рационального познания человек делает осознанно выбор в пользу употребления метафорического выражения, понимая, что использует слово в несвойственном ему значении. В случае со «стертыми» метафорами в языке права, которые по факту становятся его неотъемлемой составляющей, дело обстоит иначе. Они, как правило, воспроизводятся в качестве готовых фразеологизированных языковых единиц, приобретающих терминологический статус («юридическое лицо», «источник повышенной опасности» и др.). И тогда они «воспринимаются как средства юридической техники» (Cherdantsev, 2012:289). Действительно, большая часть метафор в языке права являются гносеологическими, оказывающими непосредственное влияние на формирование понятий. Именно гносеологическая функция метафоры в языке права способствует оперированию абстрактными понятиями, ориентируя на известный опыт и позволяя наделять конкретный предмет законодательной регламентации признаками, позволяющими его адекватно интерпретировать.

Наряду с гносеологической функцией, вслед за А.Ф. Черданцевым, отметим прагматический потенциал метафоры в языке права. Выполняемая метафорой прагматическая функция «открывает новые горизонты в понимании и толковании данного языкового феномена, поскольку по своей природе знаки непрямого номинации полностью прагматичны» (Yaroshchuk, 2013: 12). С позиции прагматики метафора в языке права выступает мощным языковым инструментом в достижении речевой задачи нормодателя, которая содержит следующие целеполагающие компоненты — мотив, цель и тактика, репрезентирующие функциональные параметры метафоры, что находит свое проявление в тексте права. Поэтому нормодателю важно учитывать данные составляющие при выборе формы и содержания высказывания, подвергающегося метафорическому моделированию, чтобы речевой успех был достигнут, когда метафора способствует формированию в сознании человека правовой картины мира.

Одним из критериев допустимости употребления метафоры в языке права, на наш взгляд, выступает абстрактность оперируемых нормодателем понятий, посредством которых фиксируется динамичная и многообразная экстралингвистическая реальность. Метафора как средство познания позволяет рассматривать общественные отношения и их субъекты посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно. Не случайно метафора занимает прочную нишу в основе

фундаментальных понятий и терминов многих современных наук. Метафора реконструирует отвлеченные понятия в понятия, легко поддающиеся человеческому осмыслению. Метафора обеспечивает связь между социальной реальностью и миром правовых абстракций и категорий. Безусловно, метафора, погружаясь в язык права, полностью не лишается своей образности, что способствует большей наглядности и краткости выражения мысли (Cherdantsev, 2012:290). Проникая в языковую материю права, метафора при ее длительном использовании приобретает свою собственную жизнь.

Выявляется непосредственная зависимость информационной наполненности метафоры в языке права от специфики моделирования, которая заключается в следующих аспектах:

— контаминация в процессе метафоризации двух способов постижения действительности — интуитивного и рационального, когда поиск необходимого образа нормадателем осуществляется на интуитивном уровне, а его адаптация к конкретному предмету законодательной регламентации производится на логической основе;

— синтетический характер метафорической модели, содержащей известное, опорное знание и новую информацию;

— выбор языковой единицы в процессе метафорического моделирования характеризуется наличием признака или признаков, которые являются определяющими для объекта правового регулирования; однако не менее значимыми оказываются ассоциативные связи, которые участвуют в формировании целостного образа предмета законодательной регламентации. В связи с чем метафора органично включается в нормативный документ, приобретая статус интертекстуальной составляющей;

— свойство интеракциональности метафорической модели, заключающееся в том, что языковые единицы, выступающие репрезентантами метафорического образа, создают единую для нормодателя и реципиентов смысловую схему, то есть выбор метафорической модели зависит от общих фоновых знаний коммуникантов. Контекст нормативного документа является основой для адекватной интерпретации значения метафорического выражения.

Условия допустимости метафоры в языке права

Представляется возможным систематизировать условия допустимости метафоры в языке права.

1) Социально-кордированная направленность: отнесенность выбранного нормоустановителем конкретного языкового знака (выражения) к общему массиву фоновых, экстралингвистических знаний, свойственных большинству реципиентов.

2) Полная семантическая ассимиляция метафорического выражения со смысловой организацией предложения и текстом нормативно-правового акта, исключая его неоднозначную интерпретацию.

3) Способность языкового знака адекватно с точки зрения нормодателя выразить новое знание.

4) Степень познавательной доступности предмета законодательной регламентации, когда метафора как средство познания позволяет рассматривать неизвестное ранее явление или объект посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно.

Таким образом, механизм метафоризации в полной мере отвечает заявленным условиям функционирования в языке права, позволяя при этом синтезировать значительный объем информации в емкой языковой форме.

Выводы

Подводя итоги вышеизложенному, констатируем, что, чем более формализованным является язык науки, тем он в большей степени однозначный, и тем меньше шансов для использования в нем многозначных слов и метафор. Язык права, несмотря на достаточно высокую степень формализации, является языком естественным, не исключающим использование метафор. Метафорический механизм является одним из ведущих в моделировании правового пространства нормативных актов. Ведь язык права и язык нормативно-правовых актов не является языком высокой степени формализованным, поэтому к нему не может быть предъявлено строгое требование исключения терминов и понятий, образованных по метафорической модели. При этом важно помнить, что злоупотребление данным языковым феноменом может иметь и негативные последствия, поскольку обилие метафор «отрицательно влияет на точность выражения юридических норм, что вызывает трудности их понимания и толкования» (Vlasenko, Abramova & Chernobel, et al., 2018:183). Поэтому метафора в языке права уместна только при условии невозможности без ее употребления с необходимой конкретикой репрезентировать «юридически значимую деятельность, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» (Baranov & Vlasenko, 2019:17).

References / Список литературы

- Alefirenko, N.F. (2002) *Poetic energy of the word. Synergetics of Language, Consciousness and Culture*. Moscow, Academia Publ. (in Russian).
Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- Aprésyan, Y.D. (1995) Selected works. Vol. I. Lexical semantics. Moscow, School «Languages of Russian culture». (in Russian).
Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
- Aristotle. (1983) *Poetics*. In: *Aristotle. Collected Works in four volumes*. Vol. 4. Moscow, Mysl' Publ. pp. 645—686. Available at: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf> (in Russian).
Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645—686. Режим доступа: <http://pavroz.ru/files/aristotle4.pdf>

- Baranov, M.V. & Vlasenko, N.A. (2019) Metaphor in law: methodological danger and prospects. *Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Russian Interior Ministry*. 1 (45), 11—19. (in Russian).
Баранов М.В., Власенко Н.А. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11—19.
- Black, M. (1962) *Models and Metaphors (Studies in language and philosophy)*. Ithaca, New York, Cornell Univ. Press.
- Cherdantsev, A.F. (2012) *Logical and linguistic phenomena in jurisprudence: monograph*. Moscow, INFRA-M Publ. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
- Cicero, M.T. (1994) About the orator. In: *Three treatises on oratory*. Moscow, Ladomir Publ. pp. 75—252. (in Russian).
Цицерон М.Т. Об ораторе // Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. С. 75—252.
- Ermolenko, G.A. (2001) *Metaphor in the Language of Philosophy*. Author. of dis. ... candidate of philosophy. Krasnodar. (in Russian).
Ермоленко Г.А. Метафора в языке философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2001. 22 с.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 22 (2), 133—187.
- Kryukova, E.A. (2003) *Language and style of legislative acts*. Author. of dis. ... Cand. of legal sciences. Moscow, Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation. (in Russian).
Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2003. 22 с.
- Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: A. Ortony (ed.), *Metaphor and thought*. Cambridge, Cambridge University Press. pp. 202—251.
<https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013>
- Locke, J. (1985) *Experience on the Human Mind*. Collected works in 3 vols. T. 1. Moscow, Thought Publ. (in Russian).
Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 622 с.
- Maslova, V.A. (2001) *Linguoculturology*. Moscow, Academia Publ. (in Russian).
Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Mishankina, N.A. (2010) Metaphor in Science: Paradox or Norm? Tomsk, Tomsk State University Press. (in Russian).
Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
- Nietzsche, F. (1990) On the other side of good and evil. In: *Selected works*. Translation from German. Leningrad, Italo-Soviet Publishing House «Sirin». (in Russian).
Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Избранные произведения / пер. с нем. Ленинград: Итало-Советское издательство «Сирин», 1990. 415 с.
- Nietzsche, F. (2013) On Truth and Lies in the Intrinsic Sense. Complete Works: In 13 Vols. *Institute of Philosophy*. Moscow, Cultural Revolution Publ. (in Russian).
Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ин-т философии. М.: Культурная революция, 2005. 480 с.
- Ortega-y-Gasset, J. (1990) Two Great Metaphors. In: N.D. Arutyunova & M.A. Zhurinskaya (eds.) *The Theory of Metaphor: A Collection*: Translated from English, French, German, Jena, Polish. Moscow, Progress Publ. (in Russian).

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: сборник / пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз.; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68—82.

Petrov, V.V. (1985) Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning. *Philosophical foundations of scientific theory*. Novosibirsk, Nauka Publ. pp. 196—220. (in Russian).

Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196—220.

Richards, I.A. (1936) *The Philosophy of rhetoric*. New York, Oxford Univ. Press.

Vico, J. (1994) *Foundations of the new science of the general nature of nations*. Translated from Italian. Moscow, Kiev, REFL-book Publ; NSA Publ. (in Russian).

Вико Дж. Основания Новой науки об общей природе наций / пер. с ит. Москва; Киев: REFL-book; «НСА», 1994. 656 с.

Vlasenko, N.A., Abramova, A.I. & Chernobel, G.T. et al. (2018) *Legal technique: textbook*. 2nd ed., revised. and additional. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; JUSTICE Publ. (in Russian).

Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. и др. Юридическая техника: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ЮСТИЦИЯ, 2018. 320 с.

Vlasenko, N.A. (2021) *Theory of State and Law: textbook for undergraduate studies*. 3rd edition. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 480 с.

Vlasenko, N.A. (2022) *Language of law: a monograph*. Rev. ed. Moscow, Norma Publ, INFRA-M Publ. (in Russian).

Власенко Н.А. Язык права: монография. Репр. изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 176 с.

Yaroshchuk, I.A. (2013) *Cognitive-metaphorical palette of the text: on the material of artistic prose of writers of the Chernozem region*: dis. ... candidate of philological sciences. Belgorod, Belgorod. state nat. research university.

Ярошук И.А. Когнитивно-метафорическая палитра текста: на материале художественной прозы писателей Черноземья: дис. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 180 с.

Сведения об авторе:

Ярошук Инна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»); Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-код: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru

About the author:

Inna A. Yaroshchuk — Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Forensic Science and Criminalistics, Law Institute, Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»); 85 Victory str., Belgorod, 308015, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5604-549X; SPIN-code: 5556-9120

e-mail: yaroshchuk@bsu.edu.ru